

Илья Сургучев

Эмигрантские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И49

И49 **Илья Сургучев**
Эмигрантские рассказы / Илья Сургучев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
214 с.

ISBN 978-5-517-83377-8

Эмигрантские рассказы

ISBN 978-5-517-83377-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

ШЕРСТЯНЫЕ ЧУЛКИ.

Въ осенній ноябрьскій день на константинопольскій рейдъ пришло изъ Крыма 65 русскихъ кораблей. Боже мой! Что стало съ этимъ шумнымъ, веселымъ, старымъ жульническимъ городомъ! Корреспонденты, армянскіе монахи, кинематографисты, паши, англичане, турчанки въ непроницаемыхъ вуаляхъ, дервиши въ высокихъ сѣрыхъ камилавкахъ, представители вселенскаго патріархата, умные мальчики въ короткихъ штанишкахъ и съ аппаратами 9×12, люди съ биноклями Цейса, — все высыпало на берегъ и смотрѣло, какъ на рейдѣ, съ поднятыми желтыми санитарными флагами, стоятъ 65 русскихъ кораблей, перегруженныхъ до отказа, безсильно повалившихся на бокъ отъ непомерной тяжести. Люди, пришедшіе на этихъ корабляхъ, ѣли американскіе галеты и англійскій, красный, неразогрѣтый корнъ-бифъ. Не хватало у нихъ, вотъ уже нѣсколько дней, одного: прѣсной воды.

И вотъ я видѣлъ, какъ ловкіе и предприимчивые греки, сразу сообразившіе, въ чемъ дѣло, повезли къ этимъ кораблямъ аппетитные (изъ подъ вина) толстостѣнные, обитые обручами боченки съ прѣсной, соблазнительно чистой и прохладной водой изъ источниковъ Террапіи, Бейкоса и Буюкъ-Дерэ. Загадочно улыбаясь, греки требовали лиру за ведро, — по тогдашнему счету два милліона рублей.

Лирь не было, — и скоро, послѣ нѣкоторыхъ колебаний, на веревкахъ, съ высокихъ корабельныхъ бортовъ, въ греческую лодченку съ надписью: «Мегала Элласъ», поползли кожанья безрукавки, обручальные кольца, френчи, съ которыхъ не отпарывали орденскихъ нашивокъ, сапоги, стыдливо свернутое бѣлье. Одежу грекъ долго и внимательно разсматривалъ на свѣтъ: не побило ли молю? Въ сапогахъ — стучалъ пальцами по подошвамъ, прислушываясь чуткимъ ухомъ къ вѣрности звука. Кольца задумчиво и меланхолически взвѣшивалъ на ладоняхъ, какъ на вѣсахъ: сначала на лѣвой, потомъ на правой. А люди, получавшіе воду, пили ее, какъ причастіе, и потомъ кричали внизъ греку:

— Сукинъ же ты сынъ! Ты же православный! Ты же, когда крестишься, кладешь руку сначала на правое плечо, а потомъ на лѣвое. Какимъ именемъ тебя, собака, назвать надо?

Грекъ не понимая, мило улыбался, привѣтливо кивалъ головой, дѣлалъ ручкой и отвѣчалъ:

— Кардашь! Кардашь!

Что по турецки значить: пріятель.

А потомъ, разсмотрѣвши, что на подоспѣвшихъ въ это время носкахъ, на пяткахъ, есть дыры, — замоталъ головой, испуганно замахалъ руками; и можно было подумать, что на веревкѣ ему спустили не чулки, а тарантула. Владѣлецъ же оныхъ, приложивъ ко рту ладони, кричалъ, какъ въ рупоръ, шель на всякіе компромиссы и просилъ за носки уже не стаканъ, а всего — полстакана воды изъ этого вкуснаго, прохладнаго, тридцативедернаго боченка. И зря, и долго, мѣшая греку, мотался на узловатой веревкѣ остроносый, закопченный, жестяной чайничекъ и рядомъ съ нимъ — связанные, продранные на пяткахъ, сѣрые, шерстяные носки.

III.

ПЛАЩАНИЦА.

Страстная недѣля все въ томъ же шумномъ, веселомъ, старомъ Константинополѣ, — городѣ трехъ праздниковъ: пятницы, субботы и воскресенья. Захотѣлось сохранить нѣ чужбинѣ дѣдовскій обычай; и я, съ утра не пивши и не ѣвши, пошелъ приложиться къ плащаницѣ. Греческая церковь налита народомъ, какъ водой. Чтобы не было толкотни, устроили двѣ деревянныя баллюстрады; и по нимъ очередь тянулись благочестивые люди.

У гробовъ есть прекрасный обычай; каждому, поцѣловавшему мертваго Христа, даютъ стебель жасмина. Около Господня Гроба сидитъ жирный, смѣтливый и ласковый староста съ напомаженными волосами, съ подтаявшимъ отъ жары воротникомъ, съ часами въ верхнемъ карманѣ жилета; и каждому, поцѣловавшему раны замученнаго Бога, даетъ этотъ черномазый староста благоуханный, чистый, похожій на земную звѣзду цвѣтокъ жасмина. Въ очереди съ греками шелъ ко Христу и я.

Староста, раздававшій жасмины, внимательно, опытнымъ глазомъ, изучалъ эту приближавшуюся ко Гробу человѣческую цѣпь. Кофейные, рыжіе глаза его осторожно, но досконально изучали наши пальто, наши пиджаки, дородство, сытость, вылощенность и выбритость лицъ, — и я отлично видѣлъ, какъ человѣку, у котораго въ галстукѣ была воткнута бриллиантовая буква S, онъ выбралъ изъ верхняго слоя самый лучшій жасминъ. Женщинъ,

у которой на шляпкѣ были явно перелицованныя ленты, онъ далъ большой жасминчикъ съ желтыми, уже увядающими краями; барыня въ каракулевой шубѣ и въ свѣжихъ лайковыхъ туго натянутыхъ перчаткахъ съ пустыми концами, онъ далъ пару жасминовъ, улыбнулся, и даже привсталъ. Наконецъ, его взглядъ дошелъ до меня и я видѣлъ, какъ въ мозгу у него закипѣла мрачная, напряженная и безпокойная работа:

— Русскій? мучительно спрашивалъ онъ себя и отвѣчалъ: «ну, да, русскій, свѣтлоглазый. Православный? Да, такой же, какъ и я: кладущій руку сначала на правое плечо, а потомъ на лѣвое. Но что можетъ этотъ голодра-нецъ положить на тарелку? Что у него есть въ карманѣ?»

Человѣкъ, у котораго въ галстукѣ была бриллиантовдѣя буква, положилъ на тарелку 20 пастровъ; женщина, у которой были перелицованныя ленты, положила 10 пастровъ; барыня въ каракулевой шубѣ своими лайковыми, пустыми на концахъ пальчиками опустила розоватую юсь-пара, т. е. 2 ½ пастра. Я тоже за всѣми слѣдилъ, былъ внимателенъ, давно разгадалъ всѣ мысли грека и думалъ, приближаясь ко Христу:

— Ему, Который льна куряшагося не угасить и трости надломленной не переломить; Агпцу Божію, взявшему на себя всѣ грѣхи міра; вечернему Свѣту тихому, пришедшему на западъ солнца,— неужели я положу Ему меньше другихъ?

И положилъ на тарелку 50 пастровъ.

Но у грека не было вѣры въ меня. Завидѣвъ мое приближеніе, онъ спѣшно досталъ изъ кармана записную книжечку, началъ ее перелистывать, углубился въ какую то неразборчивую записъ, повѣсилъ на середину носа серебряное пенснэ и сдѣлалъ видъ, что по причинѣ этой дѣловой сосредоточенности онъ забылъ давать людямъ жасмины. А жасмины, какъ свѣчи, горящія бѣлымъ, не жгущимъ, но душистымъ огнемъ, лежали въ коробкѣ съ клеймомъ пѣтличнаго магазина. Я задержался на секунду передъ ними, но грекъ настороженно не подвѣлъ глазъ;

а когда я, съ пустыми руками, безъ жасмина пошелъ къ выходу и оглянулся, то увидѣлъ, какъ онъ услужливо и ласково, привычнымъ жестомъ, подаетъ мой цвѣтокъ господину съ атласными отворотами на лѣтнемъ пальто.

По старой, широкой лѣстницѣ я сошелъ на весеннюю улицу, налитую теплымъ воздухомъ, съ южнымъ, высокимъ, полукруглымъ небомъ, съ облаками, плывущими на Россію, — и заглянулъ въ свой кошелекъ. У меня оставалось еще 5 піастровъ. Я пошелъ къ турку на уголь и купилъ у него 5 чудесныхъ, бѣлоснѣжныхъ жасминовъ, какихъ, пожалуй, не получилъ и господинъ съ брилліантовой булавкой. И бережно защищая отъ солнца и пыли, понесъ ихъ домой, какъ когда то въ Россію носилъ огонекъ отъ Страстного Четверга.

IV.

ВЪ ГАЛАТСКИХЪ ПЕРЕУЛКАХЪ.

По самой богатой, по самой широкой, по самой благоустроенной улицѣ, — по улицѣ банковъ, она же — улица Воеводы, — я иду внизъ: изъ Перы — въ Галату.

Жара переходитъ въ пріятную, истомную теплоту. Банки съ часу дня закрыты и уже срослись съ камнемъ стѣнь чугунныхъ, — вездѣ чугунныхъ, вездѣ прочныхъ, не пробиваемыхъ и непроницаемыхъ банковскія двери. *Credit Lyonnais, Credito Italiano, Deutsche Bank, Russe pour le Commerce etranger, Sud-Centrale, Banque Ottomanne, la Regie des Tabacs de l'Empire Ottoman*, банкъ со страннымъ названіемъ: «Афинская Трапеза», банкирскія конторы Мустахиса, Варгалити, Склириси, Турлитахи, — греческія, турецкія, французскія, русскія, итальянскія, англійскія вывѣски: желѣзныя, чугунныя, мраморныя, хрустальныя, алебастровыя. Выпуклыя, увѣсистыя, солидныя, внушительныя, очень четкія, безъ грамматическихъ ошибокъ.

Прихожу въ Галатскіе переулки. Старые, то двухъ, то трехъ-этажные дома, — старые, старые: кажется, что они — еще генуэзской постройки. Нижніе этажи этихъ домовъ раздѣлены на клѣтки. Въ каждомъ окнѣ сидитъ почти голая женщина и каждому проходящему стучитъ наперсткомъ въ стекло. Если проходящій оглянется, она и глазами, и грудью, и руками зоветъ его и выявляетъ всю

свою соблазнительность. Если проходит русский, она поднимает руку и чуть насмѣшливо кричить:

— Каспадинъ Карашо! Каспадинъ Карашо! Иди сюда!

«Карашо» — это по ихъ мнѣнію наше общее имя.

Красивыя и безобразныя, проживающія мѣсяцъ за годъ, десятилѣтнія дѣвочки, у которыхъ еще не начинала наливать грудь, которымъ еще, даже здѣсь, дарят куклы, старухи, съ грудями, какъ пустые табачныя кибеты. Все намазано, все нарумянено, какъ у актеровъ для вечерняго представленія.

Съ улицы видны незатѣйливыя внутренности кѣтокъ. У окна — женщина, въ глубинѣ комнаты, за ситцовой запавѣской, кровать или диванъ, похожіе на плаху. И неизбѣжная, вывѣшенная на самое почетное мѣсто, символъ гигиены, чистоты и здоровья, — эмархова кружка съ длинной желтой кишкой.

Около кафе сажусь на соломенный, пизкій, плетеный табуретъ. Подходитъ служитель въ бѣломъ фартукѣ и, улыбаясь, спрашиваетъ:

— Карашо?

Я коротко отвѣчаю ему:

— Чай.

Опъ дѣлаетъ радостное движеніе и скоро приноситъ мнѣ на изящномъ мельхіоровомъ подносицѣ пузатый стаканчикъ крѣпкаго, персидскаго чая, сахаръ и ломтикъ свѣжаго, душистаго лимона. Все это онъ ставитъ на софѣдную табуретку, смахиваетъ пыль и надолго оставляетъ меня въ покоѣ.

Я получилъ право спокойно сидѣть, курить, смотрѣть и слушать.

И мнѣ скоро кажется, что этимъ генуэзскимъ домамъ, похожимъ въ отдѣльности, на тотъ домъ, въ которомъ жилъ Христофоръ Колумбъ, — этимъ домамъ, какъ многимъ старикамъ, замученнымъ болѣзнями, хочется смерти. Мнѣ кажется, что если бы у нихъ хватило силы, они бы, вотъ эти черныя, загпившіе отъ сырости камни,

— они бы тронулись со своих старых, галатских мѣсть, вышли бы въ поле, подальше отъ людей, стали бы тамъ посерединѣ и, въ одно мгновеніе, рассыпались въ мелкій прахъ.

Ночью здѣсь, въ этихъ переулкахъ, шумно, днемъ — наоборотъ: звуки медленные, однообразные, монастырскіе, тихіе. Пѣниво переговариваются между собой, изъ окна въ окно, на разныхъ языкахъ, женщины, близко и досконально знающія другъ друга, каждую ленточку въ волосахъ, каждый піастръ въ кошелькѣ, каждое колечко, каждую промысловую удачу, каждый кусочекъ бирюзы, исторію перваго соблазна, имена любовниковъ, которыхъ тамъ, въ міру, любили и которые бросили ихъ изъ жизни сюда, въ тѣнь смертнующую, въ незасыпанныя могилы, гдѣ мѣсяць отмѣчается за годъ, гдѣ — неизбѣжная болѣзнь, съѣдающая тѣло, какъ огонь — бумагу; гдѣ — воздыханія, безильная въ минуты сна злоба на міръ, на Бога, на небо, на любовь, лютую и беспощадную, какъ змѣя, и дѣлающую изъ человѣка змѣю, которая всѣмъ улыбається, всѣхъ зоветъ, всѣмъ стучитъ наперсткомъ и жалитъ.

Этотъ крѣпкій, похожій на густое токайское вино чай, — я боюсь его пить: кто знаетъ, какимъ ядомъ вымазаны края затѣвливаго, пузатаго стакана? Кладу въ него весь сахаръ, лимонъ, мѣшаю ложечкой, и, когда вижу лицо служителя, удивленнаго моею медлительностью въ питьѣ, незамѣтно выливаю его въ маленькую водосточную канавку, которая бѣжитъ у краевъ троттуара.

Изъ противоположнаго окна за мной наблюдаетъ умная и тихая женщина, которая мнѣ давно нравится, понимаетъ мой жестъ, мои мысли, и укоризненно качаетъ головой. Когда я уйду, она расскажетъ о своихъ наблюденіяхъ моему служителю, и мнѣ почему-то дѣлается не по себѣ.

Въ кафѣ — оркестръ изъ трехъ человѣкъ. Вечеромъ онъ усиливается до семи. Въ унисонъ, подъ унисонный же аккомпаниментъ, они, эти три человѣка, начинаютъ пѣть пѣсню.

Какъ описать пѣсню чужого народа?

Сначала кажется, что они изъ всѣхъ силъ орутъ. Лупятъ пальцами по струнамъ, всѣ трое, и задрать головы кверху, какъ слѣпые (а, можетъ, — они и въ самомъ дѣлѣ слѣпые?) орутъ. Потомъ, это какъ то влѣзаетъ въ ухо, начинаетъ тамъ размѣщаться, звукъ отчетливо напизывается на звукъ, выдѣляются правильно построенныя, музыкальныя фразы и начинаешь чувствовать, что это — тебѣ не мѣшаетъ.

Пѣсня развертывается, какъ нитка изъ клубка: не сиѣша, но и не прерываясь. Паузы нѣтъ: удивляешься, когда пѣвцы успѣваютъ переводить духъ. Это дѣлается искусно. Черезъ нѣкоторое время пѣсня не только не мѣшаетъ тебѣ, — но и начинаешь слушать ее. А потомъ — только и дѣла, что слушаешь и улыбаешься. Вдругъ поворачиваешь голову: подавальщикъ персидскаго чая, стоя на троттуарѣ, во весь голосъ подхватилъ мотивъ. За нимъ замурлыкалъ человѣкъ пьющій пиво. За нимъ вступила старуха изъ противоположнаго дома, зазывало, выхваляющая своихъ хорошихъ, чистенькихъ и здоровенькихъ, сидящихъ тутъ же барышень. За нею, помимо, воли подхватываю мотивъ и я, и вижу, какъ онъ красивъ и воздушенъ, и остроуменъ. и разбираюсь уже, что главная его прелесть въ томъ, что онъ построенъ по восточной, энгармонической гаммѣ, въ четвертяхъ тоновъ; что выдумало его чье-то чистое человѣческое сердце; что поетъ оно о нераздѣленной любви; о конѣ, несущемъ всадника въ поднебесье; о фонтанѣ, бьющемъ въ мечети; о голубяхъ, летающихъ въ куполѣ; и о Богѣ, который спасетъ человека.

Видя, что турецкую пѣсню пою и я, русскій господинъ Карашо, мнѣ улыбается, не продажно, а по человѣчески, женщина, слѣдившая за моимъ чаемъ, и тоже поетъ. Безсознательно, съ середины, къ намъ присоединяется дѣвочка, высунувшаяся изъ окошка и кормящая толстаго, суетливаго, наглаго воробья и ея хозяйка, починающая простыню. Очень скоро пѣсня, какъ огонь, перебрасываю-

щійся съ крыши на крышу, ползеть по всему недлинному переулку, перестаютъ стучать наперстки, затуманиваются, каріе, черные, сѣрые, синіе, зеленые глаза и воображаютъ: нераздѣленную любовь; коня, несущаго всадника въ поднебесье; фонтанъ, бьющій въ мечети; голубей, летающихъ въ куполѣ; и Бога, который спасетъ человѣка.

И вдругъ, я невольно замѣчаю то, чего раньше никогда не замѣчалъ: у противоположнаго дома — дерево, молодое и вѣжное, единственное въ переулкѣ, прильнувшее къ фасаду, изъ подъ фундамента вытянувшее свою зеленокудрую головку на высоту третьяго этажа и скоро доползущее туда, за крышу, откуда оно увидитъ все: весь міръ, всѣ мечети, голубой Босфоръ, Золотой Рогъ, маякъ, далекіе острова, кипарисы скутарійскаго кладбища и святой Эюбъ, генуэзскую башню, стѣны Византійскихъ императоровъ, семибашенный замокъ, Сладкія Воды, мосты, пароходы, плывущіе въ Россію, въ Италію, въ Африку, въ Грецію, въ Америку...

Почему я раньше не замѣчалъ это дерево, единственно чистое, что есть въ этомъ переулкѣ? Пою пѣсню и ругаю себя за ненаблюдательность.

... Слышу, ясно слышу, какъ съ праваго угла переулка пѣсня смолкаетъ. Какъ будто въ пылающій костеръ начали съ одного конца лить воду. Въ чемъ дѣло?

Смотрю: по переулку, въ синемъ костюмѣ *tailleur*, въ желтыхъ плоскихъ башмакахъ, дѣлающихъ женщину похожей на гусыню, — идетъ англичанка, идетъ медленно, съ повадкой обычнаго туриста, не отнимая черепаховаго лорнета отъ любопытныхъ, прищуренныхъ, близорукихъ глазъ. Все больше и ближе смолкаетъ пѣсня. Мнѣ показалось; вотъ идетъ классная дама, и съ ея появленіемъ прекращается шумъ, водворяется тишина, и сейчасъ начнется урокъ. Однако, тишины нѣтъ: гдѣ-то хлопнула одна стеклянная дверь, другая, третья. На улицу, въ короткихъ, смятыхъ ночныхъ рубахахъ, въ туфляхъ на босу ногу, выскакиваютъ разъяренныя женщины, что то, какъ ужаленныя, кричатъ на всѣхъ тарабарскихъ